

16 ноября 1998 г. на кафедре славянской филологии состоялось заседание, посвященное памяти выдающегося болгарского ученого-лингвиста проф. Мирослава Янакиева.

Заседание открыл заведующий кафедрой В. П. Гудков:

- Мирослава Янакиева не нужно представлять в этой аудитории. В течение десяти лет М. Янакиев работал на нашей кафедре, это человек, близкий всему нашему коллективу. И, без преувеличения, он великий ученый нашего времени.

М. Янакиев скончался в ночь с 8 на 9 ноября. За две недели до этого я получил письмо от Надежды Васильевны Котовой (письмо было от 23 октября). Надежда Васильевна писала: «У Мирослава был сердечный приступ, по мнению врачей, неопасный, но опасный для его психики. Ипохондрия... *(нужна точная цитата)*».

М. Янакиев родился 19 августа 1923 г. в Софии. Его родители не были жителями столицы. Такие качества Янакиева, как юмор, жизнерадостность - от них. В 1943 г. М. Янакиев окончил Первую мужскую гимназию в Софии (о латинской грамматике, например, он говорил: «помню еще по гимназии»; там же началось и его увлечение радиотехникой). Затем работал корректором в типографии. Окончил филологический факультет Софийского университета. Посещал различные лекции по гуманитарным и негуманитарным дисциплинам (математика, психология, философия). Яркая черта М. Янакиева - сопряжение точных и гуманитарных наук. И великий дар к восприятию новой информации. Необычайная способность к восприятию, он впитывал информацию, «как губка впитывает воду» *(из биогр.)*.

В 1948 г. М. Янакиев защитил дипломную работу «Свидетельские и несвидетельские времена в истории болгарского языка». Проф. К. Мирчев рекомендовал эту работу к защите в качестве диссертации.

С 1979 г. - профессор Софийского университета. Разрабатывал методику преподавания болгарского языка как иностранного. Создал и постоянно совершенствовал лингафонный кабинет. Занимаясь теоретической разработкой проблемы, всегда находил ее конкретное, практическое применение. «Чем только он не занимался, и всегда одинаково серьезно» *(из биогр.)*. Страницы биографии М. Янакиева представляют собой перечень дисциплин, в которых он работал. М. Янакиев издал хрестоматию староболгарских (старославянских) текстов; изучал механизмы информационного воздействия и способы сохранения информации (теория информации, предпринимал попытки приложения к языку разработок этой теории - язык он рассматривал как материю, участвующую в человеческой коммуникации, информация - фиксированная форма языка); следствием переоценки лингвистической теории стала новая терминология; новым был и взгляд М. Янакиева на фонологию: он считал, что эта наука возникла на почве языков с буквенным письмом и сама по себе является оправданием орфографии; фонологическая система изложена Янаки-

евым в работе «Българска версификация»; Янакиев обосновывает и использует метод глоттометрии - приложения количественных, математических методов к языку. В рамках семинара Янакиева проводились глоттометрические исследования болгарского языка (студенческие работы). Исследовалась естественная устная речь, в результате чего была получена картина современного функционирования живого языка. В статье, опубликованной в сборнике к 75-летию Мирослава Янакиева С. Б. Бернштейн писал: «Пришло время включить курсы глоттометрии в список обязательных учебных дисциплин, поскольку они обогатят... *(нужна точная цитата)*». Вместе с Н. В. Котовой М. Янакиев работал над капитальным трудом «Морфемиарий болгарского языка». Также вместе с Надеждой Васильевной они подготовили к печати капитальный труд «Грамматика болгарского языка для русскоговорящих» (работа была сдана в печать еще в 1985 г., после, правда, она была переработана). Эта работа до сих пор не издана. Хочу привести слова В. А. Дыбо: «издать эту книгу необходимо, пусть даже она не сразу будет воспринята» и С. Б. Бернштейна: «Издательство этого труда сделает честь Московскому университету». Работа новаторская, в ней представлен строго отработанный понятийный аппарат. Мы всеми силами будем содействовать ее выходу в университетском издательстве, может быть, ее опубликуют уже в будущем году.

М. Янакиев не всегда стремился опубликовать свои труды. Часто его идеи подхватывались его коллегами. Главным для Янакиева была возможность постигать новое, общаться с людьми. Несмотря на физическое недомогание, это был очень активный человек. Он был непритязателен в быту, в одежде. У одного из биографов М. Янакиева (Мая Батрамова) находим даже термин «мирославизм», подразумевающий подобное отношение к жизни. И, конечно же, все мы знаем, какие теплые отношения были у М. Янакиева с Н. В. Котовой.

В 50-е гг. Надежда Васильевна была в Болгарии на стажировке, тогда и началась их дружба; позже они поженились. Это был гармоничный союз. Они жили вместе, делали общее дело. Сейчас забота Н. В. Котовой - архивы М. Янакиева.

Пришло большое количество телеграмм-соболезнований. Мы также написали письмо, там были и такие строки: «Высокую оценку получил труд «Грамматика болгарского языка для русскоговорящих». Издать его в скорейшем времени - наш долг перед памятью ученого».

Сегодня не все, кто хорошо знал и любил М. Янакиева и скорбит о нем, смогли прибыть сюда. Например, никак не могли прийти В. К. Журавлев, Нина Коржавина.

У нас М. Янакиев оставил много своих учеников, след его остается.

Слово одной из учениц М. Янакиева - Елене Васильевне Тимониной.

Е. В. Тимонина:

- Трудно говорить... Владимир Павлович хорошо рассказал о Мирославе. Наверное, самое главное в Янакиеве - то, что во всем он был филологом. Если можно перефразировать известное выражение - Янакиев филолог, и ничто филологическое ему не чуждо. На все он мог взглянуть с филологической точки зрения. Даже будучи студентами, не обладая никаким опытом, мы смогли это почувствовать. Обязанности лектора вообще довольно ограничены, но Янакиев ими не ограничивался, занятия, которые он проводил, были игрой, лекцией, практикой; речь шла обо всем, важна была каждая деталь. Янакиев учитывал психологию каждого человека, с которым он работал. Из самых обычных элементов учебной работы Янакиев мог извлечь интерес для себя и - рикошетом - для студентов. Такая обыденная и скучноватая вещь, с которой мы сталкиваемся каждый семестр, как домашнее чтение, это был интереснейший разговор обо всем (звучит, может быть, банально, но не банально реализовывалось Мирославом Янакиевым). Янакиеву была интересна и такая малоинтересная сама по себе вещь, как студенческие ошибки. И здесь он находил научный, филологический подход. У него даже есть книга «Как редактировать свое и чужое произведение».

Янакиев - воплощение настоящего филолога в полном смысле слова. Он даже не разделял филологию на языкознание и литературоведение. Книга «Болгарское стиховедение» (как и многие другие работы) вызвала шок. И действительно, возникает вопрос: как можно взглянуть на то, что столько раз уже анализировалось, так необычно? Вообще его всегда интересовало все новое (вычислительная техника, например).

Он был тонким психологом. Например, отправляя нас в экспедицию в Бессарабию, к болгарам, Янакиев, закончив инструктаж, выдал нам подборку песен Высоцкого. Это был особый психологический настрой, а также и материал для филологического исследования.

Главное, что осталось в памяти, - смотреть на все с точки зрения профессионала. Если мы этому научились - задача Янакиева выполнена.

В. П. Гудков:

- Вот посмотрите, это «Ромски буквар» - «Цыганский букварь» Янакиева, такой же он написал и для турок. Для него вообще был характерен вненациональный подход. В последний свой приезд в Софию я даже не смог его застать, потому что он постоянно пропадал где-то у цыган.

Татьяна Лабудь:

- Есть такое понятие на востоке - Учитель (с большой буквы). М. Янакиев был Учителем. Помимо филологии, он дал нам понятие жизни. Мы учились на вечернем

факультете, но, на самом деле, постоянно присутствовали в его квартире. Он был и Учителем, и Философом с большой буквы. Я рада, что мы были его учениками, коснулись этого явления на земле.

Ирина Александровна С...:

- Я не готовилась выступать, но невозможно думать, что уже не увидишь это милое лицо, не услышишь этой русской или болгарской речи... Когда М. Янакиев впервые пришел к нам, он сделал вид, что не знает русского языка. Потом мы услышали, как он говорит; конечно, возникло желание и надежда когда-нибудь так же постичь другую культуру, как он постиг русскую.

Было сказано о том, каким преподавателем, ученым был М. Янакиев. М. Янакиев как человек заслуживает отдельного слова. Героическое самообладание, постоянная борьба за жизнь, жизненные силы. До последних дней он сохранял интерес ко всему, всегда видел возможность развивать себя как личность и как ученого. Светлая ему память.

Вера Николаевна Г.:

- Это был человек удивительной деликатности и мудрости. Для нас М. Янакиев был примером того, как нужно жить, заниматься своим делом вне зависимости от того, будут ли вознаграждены его плоды. Лично мои ценности просто перевернулись после общения с Янакиевым. Удивительное терпение. До определенного предела он был очень терпелив к нашим ошибкам. Но однажды, придя в аудиторию, он произнес слово, в котором мы постоянно ошибались, и подпрыгнул. Можете представить себе удивление студентов. А это был действенный психологический прием: что-то необычное сильнее врезается в память, и для нас это слово потом было связано с этим случаем.

Светлая память Мирославу Янакиеву. Это навсегда, пока мы живы.

Т. С. Тихомирова:

- Мы много общались с М. Янакиевым. Хотелось бы две вещи вспомнить. Вот говорили о том, как он притворялся, что не знает русского. Мы с ним познакомились на какой-то конференции, и мне запомнилось, как он говорил - с грамматическими ошибками (он только что приехал), но фонетика, интонация - безупречны. Позже у него можно было только учиться русскому языку. Нам, русским, он мог иной раз объяснить смысл русского слова (*раззорю*, *Салтыков-Щедрин*). И вопрос примера. Мне приходилось встречать людей, которые силой духа, умственными, интеллектуальными и душевными качествами заставляли забывать о том, как им трудно. Таким был и Мирослав. Ему было трудно даже писать, но любовь к жизни помогала преодолевать все физические недуги. Надежда Васильевна пишет о настроении Мирослава в последнее время, но такого раньше никогда не было. Мы общались с

ним на равных, не было никакой неловкости в том, чтобы подать, застегнуть ему пальто. И еще эти бесконечные пирожки - любимая еда.

Он был новатор. Много занимался методикой - как изучать родной язык в школе и т. д.

Не всегда вокруг него была доброжелательная обстановка. «Нет пророка...» Может, потому он так долго работал у нас. Спасибо, что мы его знали.

В. П. Гудков:

- Он ведь еще приезжал по линии общества «Дружба» читать лекции по болгарской культуре. Был легок на подъем. Когда я в последний раз 5 дней был в Болгарии, не мог его застать, все время он был в делах.

Владимир Иванович:

- Познакомился я с Янакиевым в самом начале моей работы в ЛУРе (в конце 79-го - начале 80-го гг.). Вначале я не знал, кто это. Он все время выходил с кафедры русского языка. Потом познакомились. «- Мирослав. - Владимир. - Нет, говорю, давайте по отчеству. - У нас не принято. - Ну и что, давайте по отчеству.» Так он и был у меня Мирослав Янакиевич. Потом всегда шутили на эту тему.

В начале 80-х активно занимались методикой, потом все затихло. Все разработки Янакиева хранятся в ЛУРе. Когда я ездил в иняз (сейчас Лингвистический университет) - у них есть кафедра методики, - там всё хотели свою «самость» продемонстрировать, но как только прозвучало имя «Янакиев» - всё, разговор был закончен.

Он был как внештатный сотрудник ЛУРа, постоянно был там. Блестящий методист. Я не знал его биографии... Редкое сочетание филолога-лингвиста и технаря. Дар Божий.

Это был удар, хотя я знал, что он болел. Он подарил как-то флакончик розового масла. К концу 80-х оно закончилось, но я думал, Янакиев придет, еще подарит. Остались самые теплые воспоминания о Мирославе Янакиеве.

И уже тогда он предвидел начало эры информатики.

Татьяна Ш.:

Сложно что-либо добавить. Он был аристократом духа, относился с пониманием к людям с не столь блестящими способностями, как у него. Он был окружен студентами, аспирантами, и всегда щедро с ними делился своими знаниями и мыслями. Он несколько небрежно относился к собственным идеям. Часто бросал блестящие идеи, много богатства пропало. Цыганский букварь - этим не стал бы заниматься ни один филологический сноб. Янакиев был абсолютно лишен снобизма.

Все-таки прежде всего Янакиев был лингвистом, причем лингвистом мирового уровня.

Племянник Н. В. Котовой:

- Что еще добавить? От имени Надежды Васильевны хочу поблагодарить вас за то, что помните, не забываете.

Т. П. Попова:

- Хорошо его помню. Хорошо знаю его работу про версификацию.

А. С. Новикова:

- Наверное, я последней из присутствующих видела Мирослава Янакиева. Я дважды была у них в июне. Принесла им коробочку московского зефира, и, знаете, была особая теплота в глазах Янакиева, он так обрадовался такой мелочи... У них с Надеждой Васильевной я чувствовала себя как дома. Это был для меня кусочек России. Прекрасный русский язык...

Заседание закрыл В. П. Гудков:

- Спасибо всем, кто сегодня пришел вспомнить Мирослава Янакиева и попрощаться с ним.